

Содержание

ВРАЧЕВСТВО ДЛЯ ГРЕШНОЙ ДУШИ	
От издателей (Предисловие к изданию 1862 г.)	3
Предисловие	5
О преступлении заповедей Божиих, пагубности греха и лечебнице во спасение души	6
О правилах истинного покаяния как средстве к уврачеванию греховных язв	31
О достойных плодах покаяния и признаках истинного прощения Богом грехов	51
Памятка кающемуся грешнику	69
НЕ МЕДЛИ С ПОКАЯНИЕМ	
(“Покаяние и исповедь”, Афонские листки, 1911 г.)	73

Текст печатается по изданию: «Слово о покаянии». Одесса, 1862 г.
Цензор — прот. М.Павловский.

От издателей

(предисловие к изданию 1862 г.)

Обращаем особенное внимание наших читателей на это замечательное «Слово о покаянии» греческого проповедника, жившего в XVII или XVIII веке. Не зная его имени, мы определяем время его проповеднической деятельности по содержащимся в «Слове» указаниям на Георгия Корессия и Виссариона Макриса, писателей XVII века. «Слово» было переведено Стефаном Канели, который предоставил нам свой перевод вместе с подлинником, напечатанным в греческом Сборнике (без затерянного заглавного листа). Сколько мы можем догадываться по шрифту, Сборник был напечатан в Венеции в прошлом столетии*.

* «Греческая типография в Венеции, по замечанию А.С. Стурдзы, в продолжении двух столетий исключительно снабжала весь Восток церковными и богослужебными книгами» (Записная книга путешественника против воли // Москвитянин. 1847. № 1. С. 10).

«Слово» занимает в Сборнике первое место с таким примечанием: «Слово это, брат, очень нужное и душеспасительное, ибо показывает, что такое истинное покаяние и каковы последствия его и признаки прощения Богом грехов. А просто сказать, Слово это сокрушает кости. Посему и ты часто перечитывай оное, и получишь великую пользу». За «Словом» в Сборнике следуют: «Собрание избранных псалмов и молитв», составленное патриархом Геннадием Схоларием, и «Разговоры с самим собою» блаженного Августина. Уже по этому содержанию Сборника можно заключать, каким уважением «Слово» пользовалось в свое время.

«Я почту себя счастливым, — пишет переводчик, — если это поучение о покаянии действительно послужит к истинному назиданию и укреплению на пути истины верующих сердец». И мы довольны, что можем предложить нашим читателям его усердный и полезный труд. Надеемся, читатели разделят наше мнение о труде переводчика, когда прочитают «Слово». «Словом» могут воспользоваться и наши священнослужители для простых поучений о посте.

ВРАЧЕВСТВО ДЛЯ ГРЕШНОЙ ДУШИ

Предисловие

Отчего это бывает, что человек в своих житейских делах склонен более к страху, чем к надежде, а в отношении к своей душе более надеется, нежели страшится? Думаю, оттого, что мало он любит свое спасение, иначе он бодрствовал бы, опасаясь, как бы смерть не пришла к нему неожиданно и не взяла его без покаяния на мучение вечное. Многие христиане, говоря словами праведного Иова, *пьют* грех как *воду* (ср.: Иов. 15, 16), потому что каждый из них, прежде чем согрешить, рассуждает: «Согрешу, а потом исповедаюсь и покаюсь». А согрешит и исповедуется — так и не думает более о грехе, ибо говорит: «Я исповедался, каялся». *О, лукаво помышление, откуда извалилося еси покрыти сушу лестию?* (Сир. 37, 3). О душепагубный

обман и предрассудок, отяготившие землю грехами, из какой бездны явились вы? Не из другой, конечно, как из адской. В ад и нужно вам возвратиться, а не обманывать более христиан...

Побеседуем же в этом «Слове» об опасности для тех, которые грешат безбоязненно и не заботятся приступить к истинной исповеди и покаянию.

О преступлении заповедей Божиих, пагубности греха и врачевнице во спасение души

Не найдется, конечно, такой безрассудный купец, который без всякой нужды бросил бы свои богатства в море в надежде снова получить их. И однако же, сколько есть неразумных христиан, произвольно теряющих чистоту своей души и благодать Божию, этот драгоценнейший дар, какой только мог даровать нам Господь в земной жизни, — теряющих и надеющихся ту же чистоту и ту же благодать вновь получить чрез исповедь и покаяние? И делаются, несчастные, узниками ада, все надеясь освободиться в любое время! И добровольно они отдаются в рабство деннице, все думая убежать от него, лишь только пожелают!

Такое заблуждение – не новость междулюдьми; напротив, еще в раю диавол искусил Еву и расположил ее преступить заповедь Божию, указывая на милосердие и благодать Творца и говоря ей: *Не смертью умрете* (Быт. 3, 4), т. е. делайте, что угодно, с вами не случится ничего худого, ибо Бог Всемилостив и неизреченно Благ... И самый Адам, хотя, по словам апостола, и не был подобно Еве обманут: *И Адам не прельстился* (1 Тим. 2, 14), а все же стал соучастником Евы и вкусил запрещенного плода, думая, что и тяжкое его преступление Творец простит ему легко, как об этом пишет блаженный Августин, как говорит и другой богослов Церкви: «Согрешил Адам, полагаясь на милость Божию», т. е. согрешил Адам, думая, будто благодать Божия не накажет его, как угрожала наказать.

И какого еще большего подтверждения пожелал бы ты, брат? Или не знаешь, что диавол осмелился искушать даже Господа нашего Иисуса Христа, надеясь и Его одолеть теми же средствами, какие не раз употреблял с успехом на погибель многих? Потому-то лукавый и советовал Иисусу Христу броситься с кровли храма, заверяя, что Ангелы тотчас поддержат Его и с Ним не случится никакого зла, благо Господь Бог запо-

ведал Ангелам беречь всех рабов Его: *Верзися низу: писано бо есть, яко Ангелом Своим заповесть о Тебе (сохранити Тя), и на руках возмут Тя, да не когда преткнеши о камень ногу Твою* (Мф. 4, 6).

Нечего, значит, удивляться, если враг таким благовидным предлогом так часто искушает христиан, побуждая их впадать во всякое беззаконие и к одному греху прибавлять тысячу других, в той уверенности и надежде, что они будут исповедоваться и что духовные отцы, как ангелы мира, простят им и не дадут им погибнуть во аде. Вот разве что удивительно: как христиане не замечают столь явного и осязательного обмана дьявольского? Как выказывают такую неблагодарность к Богу, что исповедь и покаяние ставят в оправдание грехов своих, а милосердие и благость Божию, эти источники спасения, обращают в предлог к своему падению и гибели? Как ядовитое зелие умножает яд даже живительной росой неба, так и эти несчастные самую сладчайшую и спасительную Кровь Иисуса Христа употребляют на погибель свою. Эта Кровь, при искреннем покаянии и исповеди очищающая от всякого греха, эта самая Кровь для них бывает виною большего греха! Ах, что может быть ужаснее сего?

Наше спасительное врачество — не представляем ли диаволу в орудие для торжества над нами? Об этом сетует и святитель Амвросий Медиоланский, говоря: «Врачевство наше становится торжеством для диавола».

Но кто сможет довольно изобразить вред, какой наносят себе люди, грешащие с надеждою, что покаются потом? Я уверен, что многие христиане постыдятся в этой суетной и обманчивой надежде, мало-помалу низвергающей их в ужасную бездну ада. Они и верят, что для грешников приготовлен вечный огонь, а все же не перестают грешить, думая, будто их грехи очень легко покрываются, будто достаточно исповедаться в них, да понести за них небольшую епитимью. Так и успокаиваются они в полной уверенности, что в этом только и состоит исполнение их существенного долга. А тем много вредят себе, потому что, надеясь слишком на покаяние, слегка исповедуются в грехах своих, слегка и каются в них, полагая, что в этом и состоит покаяние, а от этого легко впадают в различные страсти; падши же раз, сбрасывают с себя узду разума и осторожности и, как бессмысленные твари, стремятся вперед путем погибели. И как исчислить падения их? Грешат они при всяком удобном

случае и месте. От всякого дурного желания и всякой порочной мысли они тотчас же и падают в дурное дело. Стоит внимательно присмотреться к этому.

Первый вред для них — это страшное множество грехов. Многие из таких грешников могут согрешить ежедневно, — положим, — десять раз: то лукавыми делами, то худыми пожеланиями, то неприличными разговорами или непозволительными удовольствиями, а более всего соблазнами, которыми прельщают других и губят души их. Следовательно, в продолжение месяца они согрешат до трехсот раз, а к концу года до трех тысяч. Таким образом, в один год каждый из этих грешников до трех тысяч раз постучит в двери ада. После этого мудрено не предположить, что Правосудие Божие отворит хоть однажды врата ада для жалкого грешника и оставит его впасть в ту бездну — этого он должен бояться, ибо Правосудие Божие грозит ему устами пророка Иеремии: *На болезнь врачевался еси, пользы несть тебе, яко язвою вражиею поразих тя, наказанием твердым* (Иер. 30, 13–14).

Хорошо взвесь, брат, эти слова. Господь не говорит, что ты излечился, а что ты не воспользовался врачевством: *На болезнь врачевался еси,*

*пользы несть тебе. И точно, не раз, но много и много раз ты исповедовался, и все же исповедь, которая должна бы очистить грехи, по твоему жестокосердию — служит только к умножению их. А почему? Да ты рассуждаешь сам с собою так: «Если согрешу, то исповедаюсь. А согрешил раз, могу согрешить еще и еще: много ли грехов натворю или немного, все равно буду исповедоваться и каяться». И хоть ты очистился от грехов, — да, — а пользы нет тебе. Что за польза тут, когда исповедуешься, дабы ко грехам прилагать грехи без числа? Дабы не понимать, как такое множество грехов низводит тебя во ад и достойно на тебя призывает наказание Божие, одно строгое наказание, без милости. Дабы Бог наказал тебя как врага Своего, тем более виновного, чем более Творец являл к нему милосердие? Язвою вражиею поразил ты, ибо грехи твои умножились. Потому-то и в другом месте тот же пророк говорит иносказательно о той душе, которая исповедуется и врачуется от грехов, а потом вновь грешит и становится неисцелимою, достойною совершенного отвержения от Бога, совершенного наказания: *Врачевахом Вавилона, и не изцеле: оставим его и отъидем кийждо в землю свою, взыде бо к небеси суд его* (Иер. 51, 9).*

Второй вред для тех, которые грешат с надеждою на покаяние, состоит в чрезмерном развитии грехов, потому что они, ложно рассчитывая на исповедь, грешат без всякого стыда и страха и погружаются во глубину и отвратительную мерзость греха, творят такие непотребства, каких чужды и самые нечестивцы, в каких не валяются и бессловесные животные. Как же Господь Бог с ними поступит? Не пощадит лукавства их, но, когда настанет время, казнит их, по словам пророка Осии: *Растлешася* по дню холма* — вот грехи подобных лукавствующих; *вспомынет неправды их, отмстит грехи их* (Ос. 9, 9) — вот и наказание, которому их подвергнет Господь.

Третий вред для согрешающих в надежде на покаяние состоит в беспечности, наглости, нераскаянности и отчаянии. Беспечность ко спасению, об исполнении всех заповедей Господних, потому что *егда придет нечестивый во глубину зол, нерадит* (Притч. 18, 3). Действительно, у достигших крайней степени лукавства грешников ожесточается разум, окаменевают сердце и

* Г. е. *растлешася* такими великими и чрезмерными грехами, как во времена нечестия и идолослужения, когда были приносимы жертвы идолам на горах.

они не знают более меры грехам; иные же из них идут далее, не только не радят о своем исправлении, но еще услаждаются своими грехами, восхищаются и величаются ими, как великими подвигами, как говорит премудрый Соломон: *Веселящиеся о злых и радующиися о развращении злем* (Притч. 2, 14). И пророк Исаия: *Грех же свой яко содомский возвестиша и явиша* (Ис. 3, 9). И говорившие сперва: «Согрешу теперь, а после буду исповедоваться и каяться» — доходят наконец до того, что не хотят более ни исповедоваться, ни каяться, а если бы случайно и пожелали, то уже не могут, ибо греховный навык обращается у них в привычку, а привычка в природу; сердце их окаменывается и становится бесчувственным и недоступным покаянию и исправлению. Несчастные так и умирают неисправленными, нераскаянными. И то чудо великое, как такие христиане, достигнув крайнего лукавства, держатся веры, не отрекаются от нее, хотя некоторые из них, увы, — выпускают из рук своих самый якорь ее; ведь, по свидетельству святителя Иоанна Златоуста, злая жизнь рождает и догматы злые.

Видишь, брат, сколько вреда, видишь, какую погиль зовут на себя те люди, что грешат с обманчивой

надеждою на исповедь, на покаяние? Потому-то авва Исаак Сирий весьма благоразумно говорит: «Кто в надежде на покаяние грешит вторично, тот лукаво ходит пред Богом, того внезапно постигнет смерть и не дождется тот времени для своей надежды, для совершения дела добродетели». Почти то же говорит и святитель Василий Великий: «Злоупотребляющий надеждою на покаяние имеет образ злоделания и лишается покаяния». С этим согласен и святитель Амвросий Медиоланский: «Легкость прощения грехов дает повод грешить».

Молитва есть первое врачевство для грешащих в надежде на покаяние. *Благ еси Ты, Господи: и благостию Твоею научи мя оправданием Твоим* (Пс. 118, 68) – такую молитву говорил пророк Давид – такую же и тебе, брат, нужно к Богу возносить от всего сердца. Этой священной молитвою лечуется то лукавое предубеждение, то лжеупование, какими увлекаемся даже доселе. О Господи! Ты Благ, или, лучше сказать, Ты сама благость: *Благ еси Ты, Господи; содей же, да Твоя собственная благость научит меня соблюдать Закон Твой: благостию Твоею научи мя оправданием Твоим*. Этого от тебя ждет Господь, чтобы явить тебе

благость Свою, чтобы принять исповедь твою и отпустить твои грехи, т. е. ждет, дабы и ты научился от Него — быть благим.

Как же теперь не боишься ты прогневлять Его, так обманывая Его ожидание? Как хочешь оставаться злым и преступником пред Богом в то самое время, когда Он столько благ и милосердив к тебе? *Еда воздаются злая за благая?* (Иер. 18, 20). Так-то воздаешь ты Богу за благодеяния Его? Так-то благость Божию и благодать исповеди ты обращаешь в орудие для новых грехов и хуления Бога? Одно из двух: или ты, грешник, не веришь, что между благостью Божиею и злом есть противоположность беспредельная, существенная и непримиримая, — в таком случае ты не признаешь Бога за Бога; или же, веруя в Него, ты желаешь, чтоб благость Божия служила тебе поводом к греху, величайшему врагу благодати Божией, а тем самым ты как бы вооружаешь Бога против Бога, ибо милосердие Его ты как бы вынуждаешь бороться с Его Правосудием. Проси же, брат, постоянно проси Господа, чтобы из твоего сердца Он искоренил эту ложную и вредную надежду, о которой написано: *Положихом лжу надежду нашу и лжею покроемся* (Ис. 28, 15), чтобы Своею благода-

тию просветил тебя, да знаешь, что эта надежда есть только лесь и сеть дьявола, ею же он завлек праотцев наших в рай и еще продолжает завлекать стольких несчастных грешников, думая низвести их в ад. Во избавление от нее с псалмопевцем Давидом взывай ко Господу: *Сохрани мя от сети, юже составиша ми* (Пс. 140, 9).

Второе врачевство, возлюбленный, для согрешающих в надежде на покаяние состоит в том, чтобы вырвать с корнем эту ложную надежду, происходящую от двоякого неведения: от непонимания грешниками, что такое исповедь и покаяние, и от незнания, какие последствия и плоды производит истинное покаяние и исповедь. Разумеющий же то и другое уврачуется без всякого сомнения.

Грешащие в надежде на исповедь не знают вообще, что такое исповедь. Они думают, что исповедь в том только и состоит, дабы подробно высказать духовнику свои грехи, и что, открыв их прямо, все уже сделали. Вот и заботятся они припомнить пред исповедью все грехи свои, а после нее сообразить — не забыли ли чего-нибудь... Но если бы этого было достаточно для примирения с Богом, то путь в Царство Небесное был

бы не тесный, как говорится в Евангелии: *Тесный путь вводишь в живот* (Мф. 7, 14), а напротив, широкий, шире городской площади. Ну что за большой труд высказать грехи наши духовнику? Ведь с детства еще мы привыкли говорить их. Ведь если бы в этом была вся сила, то закоренелые грешники, величающиеся грехами своими и для забавы рассказывающие о них в кругу своих друзей, были бы лучше всех готовы к исповеди, ибо открывают все свои грехи без всякого стыда. Тогда бы исповедь походила на торговлю, где все делается только устами, и служила некоторым облегчением скорее для памяти, чем для сердца. Но это неправда.

Настоящая исповедь требует, чтоб грешник и признался во грехе, и отвратился от греха, и снова обратился и прилепился к Богу. Внешнее, чрез уста грешника, объявление грехов пред духовником нужно, чтобы духовник выслушал кающегося, утешивал и разрешил его, но всего этого еще недостаточно: тут необходима и внутренняя скорбь сердца о сделанных грехах, скорбь сильная, глубокая и сверхъестественная. Поэтому если в твоей исповеди, брат, недостает одного из этих трех свойств, то она уподобится исповеди или Саула, или Антиоха, или же Иуды,

произнесенной только устами, но не из глубины души* .

Эти три свойства скорби сердечной так же необходимы для исповеди, как необходимо для нас прощение Богом грехов наших; посему, возлюбленный, признаю благопотребным объяснить тебе каждое из этих свойств порознь.

Скорбь покаяния должна быть не бессильною и слабою, неспособною к иному великому подвигу, но сильною до того, чтобы вполне владела сердцем и не допускала его увлекаться похотию плоти и временною сладостию греха, чем старается обольстить нас лукавый. Притом ей нужно быть и решительною, чтобы кающийся не мог уже более отвращаться от Бога и прогневливать Его грехами ни в какое время, ни по какой причине, ни из любви к миру, ни даже из боязни какого-нибудь зла... Так честная женщина решается беречь честь своего мужа и не изменять ему никогда-никогда... хотя бы и грозили ей тысячи бед.

* Саул сказал Самуилу: *Согреших, яко преступих слово Господне и глагол твой* (1 Цар. 15, 24); и Антиох, мучимый неизлечимою раною от червей и гниением тела своего, говорил: *Праведно есть повинутися Богови, и смертну сущу равная Богови не мудрствовати горде. Моляшися же скверный ко никогда хотящему помиловати его Владыце* (2 Мак. 9, 12–13); а Иуда сказал: *Согреших предав кровь неповинную* (Мф. 27, 4).

Далее, эта скорбь должна быть не притворною, не малою и едва заметною, но великою и глубокою, ибо она внушает нам отвращаться от грехов и ненавидеть их сколько из любви к Богу (Его же оскорбляем ими), столько же и по любви к самим себе, поелику чрез них лишаемся рая и осуждаемся на вечное мучение*. Такая боль сердца должна быть, говорю, глубокою и полною, чтобы кающийся возненавидел грехи свои отвсей души, чтобы добровольно и охотно предпочел греху всякое несчастье, какое бы только могло постигнуть его, как-то: лишение имущества, иль чести, иль даже самой жизни. Только сим истинно кающийся и покажет Богу, видящему глубину сердец, что его скорбное сердце любовь к Богу предпочитает всему на свете. К тому же глубокая скорбь не только остается в грешнике навсегда, но и сокрушает его постоянно (располагая его стенать и рыдать, как сказано о грешниках: *Вы же возопиете в болезни сердца вашего и от сокрушения духа восплачетесь* (Ис. 65, 14) так, чтобы он, возненавидев до конца грехи свои, не пожелал возобновлять их.

* Некоторые учителя Церкви в сокрушении, или сердечной болезни грешника, усматривают три степени: боль, проявляющуюся пред исповедию, боль во время самой исповеди и, наконец, боль после исповеди.

Сверх того, скорбь эта, сколько по началу, ее производящему, столько же и по следствию, от нее происходящему, должна быть сверхъестественною, потому что и начало, и причина этой скорби, собственно и прежде всего, не естество или какое-нибудь естественное действие, но сверхъестественная благодать Божия, которая сокрушает и смягчает сердце этою скорбью покаяния. Потому-то святитель Василий Великий и говорит: «Самовольное признание есть дар Божий, чтоб душа, вкусивши сладость этой скорби, постаралась о своем исправлении». А иные и слово апостола: *Егоже хоцет, Бог милует* (Рим. 9, 18) относят к сокрушению, ибо следует за этим: *А егоже хоцет, ожесточает*. Ожесточение и сокрушение существенно противоположны. Равным образом и последствия этой скорби должны проявиться не чем-нибудь чувственным, не какими-нибудь земными и временными благами, которых мы лишились (если же кто-нибудь скорбит от этого, то скорбь его не вменяется в покаяние и бесполезна), но благами духовными, которые мы потеряли чрез грехи наши и чрез вышечувственное зло, нас увлекшее и нам указанное святою верою. Главнейшая же причина этой сверхъестественной скорби в том, чтобы мы с ее помощью получили

мир и единение с Богом, а впоследствии и блаженство, превысшее всего мира.

Итак, кто при исповеди в сердце своем не ощущает скорби сильной, глубокой и сверхъестественной, тот после исповеди возвращается домой со всеми грехами своими.

Хорошо и полезно для кающегося испытание совести, дабы припомнить и сознать грехи, соделанные делом, или словом, или помышлением; хорошо исповедать их перед духовником, ничего не скрывая, отчего бывает в душе великое утешение; однако же с этим испытанием совести и исповедью должно быть соединено и сокрушение с внутренней скорбью сердца, о которой и говорится здесь. Епитимия, духовником назначаемая кающемуся и состоящая в посте, или в коленопреклонениях, или в другом чем-либо удручающем, наказывает одно тело, или внешнюю сторону человека, то есть, так сказать, обсекает ветви дерева, тогда как скорбь сокрушает и уязвляет утробу человека или самое сердце, где таится корень всех грехов. Сокрушая же сердце, сокрушает и уничтожает самые грехи или, лучше сказать, сокрушает и уязвляет самого диавола, который, гнездясь в сердце, оттуда действует и на деле обнаруживает все постыдные, коварные и злые

помышления: *От сердца бо исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния... татьбы, лжесвидетельства, хулы* (Мф. 15, 19).

Это и можно принять за догмат Православной нашей Церкви, как богословствует Георгий Корессий в книге о Таинствах. Эта скорбь должна составлять самую необходимую и существенную принадлежность в Таинстве Исповеди и Покаяния. Как необходима и существенна в Таинстве Покаяния внешняя исповедь посредством уст кающегося и прощение или удержание грехов духовником и как существенно и необходимо в Таинстве Крещения троекратное в воду погружение крещаемого с призыванием имени Святой Троицы, точно так же необходима и существенна в Таинстве Покаяния внутренняя скорбь сердца, без которой кающийся не может удостоиться Небесной благодати, хотя бы он исповедался и каялся. Поэтому Господь решительно говорит: *Аще не покаетесь, вси такожде погибнете* (Лк. 13, 5), то есть если не покаетесь со скорбью сердца глубокою и сверхъестественною, все будете наказаны. И Святой Дух, показывая сколько эта скорбь необходима в покаянии, прежде всего требует ее от кающегося, говоря чрез пророка Иоиля: *Расторгните сердца ваша,*

*а не ризы ваша (Иоил. 2, 13) – и после такого покаяния обратитесь ко Господу Богу вашему**. Видишь, брат, в чем состоит каноническая и законная исповедь, видишь, что такое истинное покаяние?

Теперь прошу тебя, брат, подумать: может ли тот чувствовать в сердце своем истинную скорбь, кто бессовестно грешит, говоря: «Я исповедаюсь, я хочу исповедаться»? Мне кажется, что ее он нисколько не может чувствовать. Судя по его же словам, он и понятия не имеет о необходимости покаяния настоящего. А если, зная это, грешит в надежде на покаяние, то он просто безумен. В этом случае как бы так говорит он: «Сделаю зло, а потом это же зло покажется мне отвратительным; заражу душу, а потом обмою эту заразу всею кровию моею; полюблю теперь грех, а потом вознегодную – как его полюбил я»... Видишь, каковы слова безумца? Да и сам ты, если хочешь удержать кого-либо от греха, говори ему: «Берегись, брат, будешь потом каяться» – и если брат благоразумен и поверит, что придется после каяться, то, конечно, не согрешит.

* Потому преподобный Иоанн Лествичник и сказал: «Избегая скорби и бесчестия, не надейся покаяться посредством других добродетелей».

И ты сам, возлюбленный, если был подобным безумцем, подумай, как бы отныне и навсегда оставить эти глупости и заблуждения; иначе, согрешая в надежде на покаяние, ты будешь не в силах истинно покаяться и обратиться к Богу всем сердцем и всею душою, не усвоишь ты этой неразлучной спутницы истинного покаяния, т. е. скорби сердечной, скорби сильной и глубокой, которая так же относится ко всякой другой скорби, как пучина морская к глубине рек: *Яко море возвеличится чаша сокрушения твоего* (ср.: Плач. 2, 13). Не усвоишь ты себе, повторяю, этой сверхъестественной скорби, исходящей от благодати Божией, а благодать — дар Божий... Притом эта скорбь есть один из честнейших даров, какими Господь Бог наделяет тебя, есть одно из убедительнейших доказательств благодати Его, одно из величайших дел Его Всемогущества, так что, если бы Богу угодно было сотворить новый мир из чистого золота и новое небо из чистого сапфира и алмаза и потом соделать тебя господином этого мира, — и тогда бы, конечно, Он дал тебе несравненно меньший дар против того, что дается тебе посредством истинной скорби и истинного сокрушения сердца.

После этого неужели поверишь, что Бог, только что пожелаешь, тотчас же и пошлет тебе этот столь многоценный дар сокрушения, — этот дар, которого Он не дает так многим, а оставляет их в их жестокосердии: *Его же хочет, Бог милует: а его же хочет, ожесточает* (Рим. 9, 18), — тот самый дар, для получения которого святые содержали такое великое пощенье, проливали столько пота и так постоянно поучались в Законе Божием? Если же веришь, то худо делаешь и выдумываешь по своему произволу. Посему-то святитель Василий Великий говорит, что часто душа побуждает сама себя к сокрушению, и напрасно, и что снискать истинное сокрушение сердца можно лишь частыми упражнениями и преуспеванием; принуждать же себя и не быть в состоянии успеть в приобретении истинного сокрушения сердца значит таить в себе нерадение о спасении своей души, ибо невозможно при большом и постоянном старании и упражнении не достигнуть своей цели; если же что-либо оставляется без внимания, то, видно, душою овладели другие страсти, не позволяющие ей свободно действовать в том, чего желает.

Один подвижник ежегодно приносил полную исповедь, т. е. исповедовался во всех грехах, какие

творил во всю свою жизнь, и это он делал для того лишь, чтобы воспринять в сердце своем истинную скорбь об этих грехах. К такой исповеди он готовился заблаговременно в продолжение многих недель, успокаивая себя чтением душеспасительных книг; в самый же день исповеди он несколько часов молился Богу о сообщении ему великого дара сокрушения. А ты, может быть еще вчера или третьего дня осквернив себя новыми грехами, не оценив, как должно, важности греха и ни во что вменив величие и благость Божию, тобой поруганные, не прочитав ни одной духовной книги, но довольствуясь только воспоминанием о соделанных тобою грехах, — ты идешь исповедоваться пред духовником и думаешь, что этим усвоишь истинное покаяние и неразлучную с ним скорбь сердца? С подобною исповедью ты далек, брат, от истинного покаяния, а уподобляешься тем, о которых сказал пророк Давид, что они раздирают свои одежды и по виду кажутся сокрушенными, но внутренне не умиляются сердцем, — *разделишася, и не умилишася* (Пс. 34, 15). Так исповедуясь, ты омываешь только внешность сосуда, поверхность сердца твоего, внутренняя же глубина его остается преисполненною нечистоты: *Очисти прежде*

внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее има чисто (Мф. 23, 26).

Пожалуй, допустим, что ты, когда грешишь, грех ставишь ни во что, а когда исповедуешь — сознаешь его хорошо и гнушаешься им, как нельзя более, и сердечно о нем сокрушаешься во время исповеди (что, впрочем, случается редко). Всем этим не сможешь ты обрести истинное покаяние и истинное сокрушение. Хочешь это уразуметь? Покажу тебе последствия и плоды истинного покаяния и исповеди.

Ты, конечно, думаешь, что если ты в грехах своих исповедался сокрушенно пред духовником и прочел духовник над тобой разрешительную молитву, то уже ты чист, словно не грешил никогда, и от ног духовника встаешь навсегда очищенным от душевной заразы. Нет, такие думы не справедливы. Как крещение, хотя и омывает прародительский и всякий другой самопроизвольный грех, не омывает, однако же, умственного невежества, чувственных пожеланий, врожденной склонности сердца ко греху и других последствий, природе человеческой усвоенных прародительским грехом, — ибо и после крещения все это остается в испытание самообладания, для борьбы и победы и венца крещенных, так точно

и исповедь, принесенная как следует, хотя и омывает грехи, но не омывает всего зла, грехами произведенного в душе, т. е. не уничтожает омрачения и ослепления ума, не искореняет совершенно дурных наклонностей воли, злых навыков сердца, растления и слабости прирожденных сил — словом, не изглаждает безобразия, произведенного грехами в том, кто сотворен по образу и по подобию Божию.

Следовательно, исповедь не освобождает нас от всего наказания, какому мы подлежим за грехи наши, а равно не уничтожает всей силы злых наклонностей и привычек наших ко греху, хотя и уменьшает их до некоторой степени. Полное же, по возможности, изглаждение их она предоставляет нам самим, чего и можем мы достигнуть только постоянным сокрушением сердца, трудом и постоянными подвигами всей жизни.

Так знай же, брат, что после истинной и умиленной исповеди, тобою принесенной, ты должен сперва принять от духовника наказание и понести епитимию за грехи твои, будет ли то пост, или поклоны, или молитва, или другое что-нибудь. Потом с благодарностию и безропотным терпением понеси и то наказание, каким Господь возблаговолит посетить тебя во уврачевание твоих грехов,

будут ли это болезни, или обиды, или лишение имущества, или преждевременная смерть твоя, сродников и друзей твоих, или поругание и бесчестие, или другие искушения, бываемые от демонов, от людей, от поврежденной природы. Все это, а в особенности бесчестие и поругание, производит в сердце скорбь и умиление. Поэтому и сказал один святой отец: «Знай, когда ты боледуешь сильно о нанесенном тебе бесчестии и поругании, — тогда ты приобретаешь пользу великую». А другой отец, посещаемый какою-нибудь скорбью, обыкновенно говорил: «Это целительное прижигание Иисусово». Такими наказаниями Бог посетил царя Давида, после прощения его в прелюбодеянии и убийстве.

Ибо Господь есть премудрейший Духовник и лучше всех земных духовников знает, какую епитимиею исправлять грешников. По Правосудию Своему, прощая и освобождая грешника от вечного наказания, Он прощает его не просто и как-нибудь, а с некоторым напоминанием об этом наказании (я сказал: с некоторым напоминанием, ибо епитимия, назначаемая грешнику, только содействует к прощению его грехов, самое же прощение исходит от беспредельного милосердия Божия и бесценного искупления стра-

даниями и смертью Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, как учат святые отцы). В особенности же Бог наказывает грешников – то изобличением их совести, истаевая и истончевая их, словно паутину, по выражению пророка Давида: *Во обличениях о беззаконии наказал еси человека, и истаеял еси яко паучину душу его* (Пс. 38, 12), то грозя им страшными видениями, как говорит Елиуй в «Книге Иова»: *Единою бо возглаголет Господь, второе же во сне, или в поучении нощем, или, яко егда нападает страх лют на человеки, во дреманиях на ложи: тогда открывает ум человеческий, виденьми страха тачеми их устрашит* (Иов. 33, 14–16). А причина тому следующая: ежели Бог в этой жизни, временно, не накажет грешника, то несомненно подвергнет его в жизни будущей вечным мучениям. Потому-то, опасаясь за все с дела, и говорил праведный Иов: *Трясуся всеми удесы*; он знал, что Бог не прощает грешника без должного наказания: *Вем бо, яко не безвинна мя оставиши* (Иов. 9, 28).

Ты знаешь, возлюбленный, если кто хочет устроить сад, то должен сперва срубить ветви и отростки диких деревьев, потом выкопать и самые их корни, от которых могут показаться новые отрос-

тки, далее вместо диких деревьев посадить другие, плодоносные а наконец посаженные растения охранять от скота и от всего для них вредного, пока не укрепятся они корнями, не разрастутся ветвями и не принесут плодов. Так точно и ты, брат, для истинного покаяния должен держаться следующих правил.

О правилах истинного покаяния как средстве к излечению греховных язв

І. Обрежай ветви и отростки греха, т. е. всю силу воли решишь не грешить вторично, а всячески удалиться от греха, как, например, стараешься избегать смерти и мучения, ибо новые грехи — ветви и отростки прежних грехопадений. А для этого постоянно молись Богу, да хранит Он тебя Своею благодатию, всегда помятуй о смерти, о Суде Божиим и о вечном мучении, часто исповедуйся и причащайся, если нет к тому препятствий. Старайся также уклоняться и от самых поводов ко греху, и — в особенности — от свиданий, разговоров и дружбы с участниками в твоих прежних грехах, и вообще от всех сообществ, которые могут повредить душе твоей.

II. Удалением от соблазна отсекая ветви греха, ты старайся притом вырывать и самые корни его. А корни эти суть дурные склонности, желания, навыки, страсти и похоти, растущие во глубину сердца твоего. Иначе, если не станешь их искоренять, от них опять отродятся новые грехи, как говорит святитель Василий Великий: «Если кто, желая отрезать ветви растения, не трогает корня его, то от корня вновь отрастают ветви: так точно и некоторые грехи имеют начало не в самих себе, а в других грехах. Поэтому кто хочет очиститься от грехов, необходимо должен истребить первые начала их». Вот отчего и видим мы, как многие грешники, — при всей решимости не повторять прежних грехов, при всем старании отсекав ветви греха и всячески удаляясь от зла, — все же, затаив в себе греховные корни, сердцем располагаются ко греху, желают греха и часто повторяют грех мысленно. Как израильтяне, телом и на деле выйдя из Египта, душою и сердцем оставались там, почему и пожелали луку, чесноку и мясу египетского: *Кто ны питает мясы? помянухом рыбы, яже ядохом в земли египетстей туне, и огурцы и дыни, лук и червленый лук и чеснок* (Чис. 11, 4–5), так и эти грешники, на самом деле оставя

грех, все еще имеют к нему расположение, вспоминают о нем, желают его.

Например, они прощают врага своего, просят у него прощения и не думают мстить ему, но только устами, наружно, а в сердце, напротив, берегут злопамятство и не любят врага своего по заповеди Христовой, так что постигни его беда, они обрадуются, а благослови его Бог счастьем, они опечалятся. Или вот они решаются уж никогда не грешить, с кем грешили прежде, и, однако же, все вспоминают о том лице, все к нему расположены втайне и часто очами ума любят его, сладко беседуют с ним во сне или наяву, а то и чувственными очами стараются с ним повидаться, поговорить, если можно, с ним или о нем... Не так ли и жена Лота, телом выйдя из Содома, не вышла из него сердцем и обернулась взглянуть на него: *И озрися жена его вспять, и бысть столп слан* (Быт. 19, 26). Не то же ли делают и больные, принуждаемые воздерживаться от дынь, огурцов и других вредных яств? Их они не едят, боясь умереть, а все-таки часто говорят о них, не смея их отведать, желают, по крайней мере, взять их в руки, пощупать, понюхать и завидуют тому, кто может свободно лакомиться ими.

Потому-то Святой Дух, желая показать нам эти корни злых наклонностей и привычек, остающихся в нашем сердце после содеянного греха, говорит устами Сираха: *Умре отец его, и аки не умре: подобна бо себе остави по себе* (Сир. 30, 4), т. е. говоря иносказательно, грех хотя и уничтожается исповедью, но потом является как бы не уничтоженным, ибо оставляет в сердце нашем дурную привычку и склонность ко греху. Эту привычку по справедливости можно назвать дочерью или, лучше сказать, матерью греха: неискорененная совершенно, она может породить новые и новые грехи.

Дабы нам показать, как злая наклонность и злая привычка, оставляемые в нашем сердце грехом, постепенно возрастают по мере умножения грехов и тем более и более затрудняют спасение души, Святой Дух и говорит устами приточника Соломона, что грешник предается запрещенным удовольствиям сперва подобно волу, т. е. медленно и с некоторым упорством: *Якоже вол на заколение ведется; потом подобно оленю, т. е. прыгая и желая их: Или яко елень уязвлен стрелю в ятра, и, наконец, подобно птице: И спешит яко птица в сеть, не ведый, яко на душу свою течет* (Притч. 7, 22–23). Равным

образом и чрез пророка Давида Святой Дух открывает, что грешник одевается проклятым грехом, словно платьем: *И облечеса в клятву яко в ризу*; потом, показывая, что привычка ко греху, усиливаясь постоянно, проникает более и более внутрь души (как вода, выпитая нами, входит во чрево или как масло просасывается даже в кости наши) – прибавляет: *И вниде яко вода во утробу его и яко елей в кости его* (Пс. 108, 18). В другом месте Святой Дух вразумляет, что грех сначала гонит нас, будто враг: *Да поженет убо враг душу мою*, потом, овладев нами, бросает нас оземь и попирает: *И да постигнет, и поперет в землю живот мой* и, наконец, обращает нас в прах, дабы мы, унесенные ветром, окончательно уничтожились: *И славу мою в персть вселитъ* (Пс. 7, 6).

Этими и подобными словами Священного Писания Дух Святой, как уже мы сказали, дает нам понять, что человек чем более грешит, тем более в своем сердце и уме исполняется худых наклонностей, привычек и страстей, а таким образом все более удаляется от своего спасения. Теми же словами Святой Дух нам внушает, что грешнику нельзя сбросить с себя грех легко и во всякое время, как грязную одежду, – нет, грех, словно дерево,

пускает корни внутрь сердца и своими отрослями проникает даже в самые кости и мозги его. А грешники, как безумные и бессмысленные, думают, что дело пустое — спастись от греха! Верят, что все равно — сделать один грех или сто грехов! Несчастные и не догадываются, что, прибавляя беззаконие к беззаконию, они все более и более уклоняются от спасения, все темнее помрачаются умом, все крепче ожесточаются сердцем. Тяжесть грехов постепенно на них умножается, а помощь Божия их оставляет, а силы их уменьшаются — и не могут они победить врага.

Один учитель грешников, недавно оставивших грех и удалившихся от зла, прекрасно уподобляет их больным, только что вставшим с одра болезни. Уже не больные, они все еще желтолицы, безобразны, едят без вкуса, спят беспокойно, смеются без радости, ходят, словно учатся ходить, — короче сказать, что ни делают, во всем чувствуют великую тяжесть, великое затруднение и бессилие. Так и грешники недавно покаявшиеся: случится ли им делать что доброе, делают не с той готовностью и ревностью, как бы следовало, а с большими усилиями и затруднениями, ибо остатки и корни греха еще таятся в их сердцах и исцелились они не совершенно еще.

Как же теперь эти корни – худые наклонности и страсти греховные, оставшиеся в сердце, искоренять тебе, брат, послушай. Те, которые хотят вырыть корень какого-либо великого дерева, берутся за лопаты, сапы, секиры и тому подобные орудия – так и ты, чтобы из твоего сердца выкопать корни греха, употребляй многообразные орудия, а именно: воздержание от пищи и сна, коленопреклонения, жесткое ложе и тому подобные изнурения плоти; все это не только отбрасывает землю, окружающую корни, но обнажает, отрывает и обрезает их, т. е. сокрушает сердце, где таятся отрасли и корни греха, как говорит преподобный Марк подвижник: «Без сокрушения сердечного нельзя избавиться от зла; сердце же сокрушается тройным воздержанием – от сна, пищи и телесного покоя». Самая же острая секира, которою можно обрубивать и выбрасывать корни греха, есть, как я выше сказал, боль сердца и печаль души, происходящая от размышления о том: 1) как своими прегрешениями ты оскорбляешь Бога и Его бесконечные совершенства; 2) как перед Ним оказываешься неблагодарным за бесчисленные от Него ниспосланные благодеяния; 3) как являешь ты неслыханное равнодушие и пренебрежение к Искуплению, ка-

кое Сын Божий усвоил тебе Своим крестным страданием и Своею Кровию; 4) как и себя самого ты губишь, и временно и вечно, твоими грехами; 5) как ими отчуждаешься Бога и Божественной благодати усыновления и оправдания, тобою прежде полученной; 6) как лишился ты вечного блаженства в раю; 7) как грехами ты готовишься только на вечное мучение в аду.

Боль сердца и скорбь души о грехах должны походить на печаль женщины, лишившейся единственного сына или возлюбленного супруга, на боль от ножа или великой иглы, пронзающей ногу, как говорит пророк Давид: *Возвратихся на страсть, егда унзе ми терн* (Пс. 31, 4). И нужно, чтоб эта скорбь и боль тяжело падали на сердце твое, словно каменная доска, и сокрушали его до воздыханий и даже до слез. В таком смысле и авва Исаак Сирийский сказал, что «покаяние есть сердце сокрушенно и смиренно»; и в другом месте: «Каяться значит оставить прежние грехи и сокрушаться о них». То же и преподобный Иоанн Лествичник: «Покаяние есть великое утеснение чреву и поражение души при чувстве мужественном». Сверх того, эта боль и скорбь сердца должна быть постоянная, как постоянно и само покаяние. Иначе, брат, если уто-

лишь ее, тотчас же лишишься и покаяния, как это видно из слов Георгия Корессия и других богословов. Посему и преподобный Исаак Сирийский говорит, что «ни одна из добродетелей не выше покаяния, ибо труд его никогда не может окончиться»* .

Скорбь сердца и постоянное покаяние должны быть всегдашними по трем причинам.

Во-первых, потому, что грех называется смертным, ибо человек, как только согрешит, уже достоин смерти и лишения сей жизни (древний закон за смертные грехи и наказывал смертью телесною), а чрез это и осуждения на вечные муки. Бог, однако же, по человеколюбию Своему не хочет смерти грешника и позволяет ему жить для всегдашнего покаяния, как и говорит преподобный Марк подвижник: «Сделавшись однажды достойным смерти, человек уже мертв по закону; если же живет — да живет в вере, покаяния ради». Поэтому человек, впавший однажды в грех, и притом смертный, не может уже оставаться беспечным во всю свою жизнь, а необходимо должен сокрушаться, соболеживать,

* Преподобный Марк подвижник говорит: «Господь определил покаяние до самой смерти; следовательно, как у малых, так и у взрослых покаяние нескончаемо до смерти».

каяться и заглаживать грех, хотя бы и получил от духовника прощение.

Так пророк Давид, хотя чрез пророка Нафана и получивший от Бога прощение в двух своих смертных грехах и довольно уже за них наказанный изменою своего сына Авессалома и временным лишением царства, однако ж, несмотря на все это, не переставал каяться и сокрушаться об этих грехах во всю свою жизнь, почему и говорил: *Беззаконие мое аз возвещу и попечуся о гресе моем* (Пс. 37, 19); и в другом месте: *Измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Так и апостол Петр, как только слышал пение петуха, тотчас припоминал свое отречение от Иисуса, каляся и плакал, как об этом свидетельствует его ученик, святой Климент. Посему и святитель Иоанн Златоуст говорит: «Плачь, когда согрешил, и это делай постоянно, ибо это и есть исповедь. Не будь сегодня весел, завтра угрюм, а послезавтра опять весел, но всегда плачь и сокрушайся; *Блажени плачущии* (Мф. 5, 4), – сказал Спаситель (т. е. плачущие постоянно). Итак, необходимо всегда внимать себе и сокрушаться сердцем, как скорбит и сокрушается отец, лишившийся своего единственного сына».

Во-вторых, скорбь и покаяние должны быть всегдашними потому, что всякий грех похож на рану, которая хотя и заживает, но след ее остается в душе и не может совершенно изгладиться в этой жизни, как полагают лучшие (чтобы не сказать все) богословы. Тот, например, кто однажды украл, или соблудил, или убил, разве может чрез покаяние соделаться так же невинным и чистым, как человек вполне непричастный ни воровству, ни блуду, ни убийству? Как же теперь грешнику не сокрушаться, не плакать и не каяться в этих грехах всякий раз, когда он увидит следы своих душевных ран, хотя бы они и были залечены?

Святитель Василий Великий говорит, что покаяние может очистить грех мужа или жены, потерявших свое девство, но возвратить им прежнюю девственность не может, а потому святитель Христов и внушает согрешившим скорбеть о грехе своем: «Покаяние разрешает от греха; поелику растленного не может сделать по-прежнему невинным, то и должно скорбеть целую жизнь; ибо как растение станет нерастленным? Как однажды испорченное похотями, удовольствиями или страстью делается снова непорочным, неиспорченным, нося и в душе и на

теле признаки растрения?» И в другом месте: «Бывает, говорят, исцеление и после уязвления, а все же остается след». И святитель Григорий Богослов пишет: «Прежнее (состояние чистоты) уже не восстанавливается, хотя бы его мы искали со многими воздыханиями и слезами, коими мало-помалу и целится язва, хотя бы по человеколюбию мы желали совершенного уничтожения всех язвенных знаков на страдавшем». И святитель Кирилл Иерусалимский говорит: «Следы грехов остаются на теле. Как глубокая рана хотя и излечивается несколько, но оставляет по себе рубец, так и грех, уязвляя душу и тело, везде оставляет признаки уязвления». То же самое доказывает и преподобный Исидор Пелусиотский, говоря: «Зная, что раскаявшемуся даруется покаяние, не стремись ко греху в чаянии совершенного потом исцеления. Ведай, во-первых, что многие, не успев раскаяться в своих пороках, и позваны на суд; потом, что покаяние врачует страсти многим временем: необходимы труды, посты, бдения, милостыня, молитвы и другие подвиги подвижничества для исцеления духовных ран. А в-третьих, нужно знать, что и по исцелении остается рубец, изобличающий бывшую язву, ибо не одно и то же тело здоровое и

тело, излеченное от ран, одежда целая и одежда изорванная, как бы ни искусно были защиты на ней прорехи»... Излечением же раны называется ее закрытие, как Бог говорит устами Иеремии-пророка: *Се, Азъ наведу на тя срастение язвы и изцеление* (Иер. 33, 6). И святитель Афанасий Великий говорит: «Кающийся перестает грешить, носит он только знаки прежних язв». А святитель Иоанн Златоуст если и говорит, что «Бог, целя грех, не оставляет и следов его, а с исцелением дарует и благообразие», но говорит это о неизреченном человеколюбии Божиим, а не о силе покаяния; посему, объясняя сказанное, присовокупляет: «Не потому, чтобы покаяние само по себе имело силу смыть совершенно грех, но потому, что с покаянием сливается неизреченное человеколюбие Божие и беспредельная Его благодать»*. Согласно с этим преподобный Иоанн постник в 19-м правиле «Номоканона» говорит: «Мальчик, кем-нибудь растленный, не допускается к священству; пускай он по несовершеннолетию не согрешал, но

* Виссарион же Макрис (в «Православном исповедании») и другие отцы говорят, что, по мнению святителя Иоанна Златоуста, от ран греховных не остается никакого следа только в Будущей Жизни, но не в настоящей.

сосуд его плоти поврежден и уже не годен к священнодействию». Да и Сам Господь Бог словами пророка Амоса нас вразумляет: *Девуца Израилева повержена на земли своей, несть возставляющаго ю* (Ам. 5, 2). Посему и в книге «Γερωντικόν» мы читаем, как преподобный Макарий Великий постоянно сокрушался и плакал о том, что однажды в детстве своем украл несколько огурцов из чужого сада.

В-третьих, всегдашняя скорбь и всегдашнее покаяние нужны потому, что ни один и праведник, и грешник не может оставаться безгрешным и свободным от грехов смертных или не смертных. *Кто, — говорит премудрый Соломон, — похвалится чисто имети сердце? или кто дерзнет рещи чиста себе быти от грехов?* (Притч. 20, 9). Почти ежедневно и ежечасно все люди согрешают то делом, то словом, то помыслами лукавыми, хульными и постыдными. Следовательно, все мы должны скорбеть сердцем, каяться ежедневно и просить у Бога прощения не только прежних, но и новых грехов. Подтверждая это, и говорит авва Исаак Сирий: «Главная мысль этого слова — познавать самих себя мы должны повсечасно, то есть двадцать четыре

часа дня и ночи мы должны проводить в покаянии»* .

Итак, брат, если имеешь в сердце эту сильную скорбь, то знай, тебе она принесет много добра, ибо вразумит тебя, чтоб сердцем не любил ты удовольствий греховных, и таким образом избавит душу от яда, ею принятого, умягчит и смирит ее, очистит от дурных навыков и страстей. Сердце человека грешника ими ожесточается и потому без боли не может ни смириться, ни смягчиться, как написано: *Сердце жестоко отяготится болезнями* (Сир. 3, 27). Эта скорбь взойдет пред лице Господа Саваофа и склонит Его простить грехи твои, по слову Писания: *Суд мой пред Господем, и болезнь моя пред Богом моим. И царственный пророк Давид поет: Вижь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи*

* Преподобный Марк подвижник еще прибавляет: «Если бы мы и предположили, что произвольно не погрешаем (что, однако ж, невозможно), — то уже по одному прародительскому греху мы должны каяться пред Богом; раз осужденный на смерть по закону мертв уже, а кто живет, живет верою для покаяния не в своем только грехе, но и в прародительском». То же самое говорит и святитель Григорий Фессалоникийский: «Покаяние есть и начало, и середина, и конец христианской жизни; посему и до Святого Крещения, и в Святом Крещении, и по Крещении оно и требуется, и пользуется». Поэтому и ты, брат, должен всегда просить Бога, говоря с пророком Давидом: *Господи... изцели душу мою, яко согреших Ти* (Пс. 40, 5).

моя (Пс. 24, 18). И в другом месте: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Эта же скорбь внушит тебе изменить и пищу, и питье, и одежды, и сон, и вообще род жизни, отличный от того, когда ты жил во грехах.

Так должны жить кающиеся — в смирении, скорби, убожестве и лишениях. Ведь и больные не живут как здоровые, по словам святителя Григория Нисского: «Не следует говорить о болящем, что живет он одинаково со здоровыми; ибо иной род жизни у больного и иной у здорового»... И еще: «Это больной телом, а кто болят душою и не открывает своей болезни бесплотному Врачу, объясняя оную ложно, тот дает болезни распространяться и причинять сильнейшую боль во всем существе. Но образумься, познай самого себя». И опять: «У нас слова обещают покаяние, а дела не подтверждают слов: мы ведем такую же жизнь, как и прежде. И веселие у нас то же, и та же одежда, и стол роскошно-изобильный, и сон долгий и продолжительный до пресыщения. Заботы и печали всякие, только душу оставляем без всякого попечения. Мы носим лишь имя покаяния, бесплодное и бездейственное».

Далее, несущие епитимию за смертные грехи не должны радоваться и вести такую же спокойную жизнь, как и другие люди, как об этом говорит пророк Осия: *Не радуйся, Израилю, ни веселися якоже людие, понеже соблудил еси от Господа Бога твоего* (Ос. 9, 1). То же самое внушает и преподобный Иоанн Лествичник: «Иное воздержание для неповинных и иное для повинных; ибо для первых движение в теле бывает чем-то необыкновенным, а последние даже до смерти и кончины борются безотрадно и неослабно». Вообще, сердечная скорбь сделает тебя подвижником, т. е. в мире ты заживешь подвижнически, причем эта скорбь должна быть не горька и близка к отчаянию (ибо скорбь горькая и безнадежная находит от лукавого, и ее нужно прогонять от себя), а напротив, сладка и радостна, исполненная надежды на спасение, и сладчайшего умиления и слез, и успокоения совести. Посему-то преподобный Иоанн Лествичник и говорит: «Вникая в самое качество сокрушения, прихожу я в изумление, каким образом плач и так называемая печаль заключают внутри себя радость и веселие, подобно меду в восковой ячейке. Чему же научаемся из этого? Тому, что такое сокрушение, в собственном

смысле, есть Господень дар. Тогда не бывает в душе неуслаждающего (плотского) удовольствия, потому что Бог невидимо утешает сокрушенных сердцем».

Одним словом, эта скорбь искоренит из твоего сердца злые привычки и склонности ко греху и научит тебя истинному покаянию, которое, по слову святителя Григория Нисского, есть уничтожение не только действий и деяний греховных, но и сердечных склонностей ко греху и самого мышления о нем: «Покаяние есть разрешение и уничтожение прежних грехов — и на деле явленных, и помышляемых в душе». О, сладчайшая скорбь, по благодати Божией порождающая истинное покаяние! О, радостный плач, делающий человека неподвижным, неудобопреклонным ко злу! О, блаженная печаль, подающая блаженство безболезненное!

III. Знаешь, брат, уже, как отсекаль отростки и ветви греха — удалением от поводов ко греху; знаешь и то, как искоренять из сердца самые корни греха — постоянною и великою скорбию. Пучись же теперь и тому, как в сердце на место прежних диких деревьев насаждать новые, плодородные, т. е. вместо зла — добродетели; вместо гордости — смирение; вместо чревоугодия — воз-

держание; вместо скупости – щедрость и милостыню; вместо плотских страстей – девственность и целомудрие; вместо кривды и грабительства – правду и раздаяние собственности; вместо зависти и ненависти – любовь и братолюбие; и вместо прежнего нарушения заповедей Божиих – исполнение и хранение их. Ибо для твоего спасения, брат, не довольно выбросить из сердца корни греха и потом оставить его пустым, неспособным к насаждению и процветанию растений и деревьев добродетели – в таком случае оно опять произрастит тернии и дикие деревья, т. е. страсти и грехи. Посему Святой Дух и советует чрез псалмопевца Давида удаляться от зла и делать добро: *Уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15)*.

IV. Наконец, насадив в сердце добродетели, ты всячески сохраняй их, покамест они не пустят корней, т. е. не обратятся у тебя в привычку, как прежде привычкою были страсти и грехи, пока-

* То же говорит и святитель Григорий Нисский: «Ты расслаблен негодю? Исцелись постом. Неистовство поразило твою душу? Целомудрие да будет лекарством болезни. Любостыжательность произвела в тебе мысленную горячку? Милостыня да приправит пресыщение, ибо очищает богатства. Есть у нас похищение чужого добра? Да возвратится оно к своему хозяину. Ложь привела нас на край погибели? Истина да предотвратит опасность».

мест не расцветут и не принесут плодов истинного покаяния и прощения грехов твоих. Иначе, если не позаботишься о них, сеятель плевел, диавол, придет в то время, как заснешь в беспечности, вырвет их и насадит опять плевелы, по слову притчи евангельской: *Уподобися Царствие Небесное человеку, сеявшу доброе семя на селе своем: спящим же человеком, прииде враг его и всяя плевелы посреде пшеницы и отиде (Мф. 13, 24–25)*. Вот страсти и возникнут опять в твоём сердце; недаром отцы называли их *φιλεπίστροφα*, т. е. любящими возвращаться на прежнее место. Возвратясь же и нашедши в твоём сердце место готовое и незанятое, страсти укоренятся глубже прежнего, и тогда *будут последняя... горша первых*, как сказал Господь (Мф. 12, 45). Чего да не будет с тобой, возлюбленный!

Это, брат, четыре существенные принадлежности истинного покаяния: ими нам усвоится оно, по благодати Божией, которую испрашивает для нас Святая Церковь. Вот плоды и последствия истинного покаяния, по коим можешь увериться, что Бог поистине простил согрешения твои и примирился с тобой.

О достойных плодах покаяния и признаках истинного прощения Богом грехов

Теперь посмотрим на признаки прощения от Бога грехов. Истинное и несомненное прощение грехов имеет четыре признака, один выше другого. Из них первый состоит в том, что человек от всего сердца ненавидит грех, чуть вспомнит о нем, хотя бы и по страху впасть в оный, и не находит уже удовольствия даже в наклонности ко греху. А когда мы вспоминаем о грехе равнодушно, без удовольствия или сожаления и ненависти, — это признак второй, выше первого. Третий, еще высший признак, — когда кто, вспоминая о грехах своих, радуется и прославляет Бога за великое множество добродетелей, какие снискал благодатию Божией и покаянием. Высший же всех четвертый признак тот, когда человек совершенно изгонит из своего сердца помышления о грехе и настолько их забудет, что они уже не беспокоят его.

На первый признак указывает нам святитель Василий Великий. Одны на вопрос, может ли душа уразуметь, что Бог простил ей все прегрешения, он отвечал: «Может уразуметь, если кающийся со-

знает себя в положении сказавшего: *Возненавидех неправду, и возгнушахся*» (ср.: Пс. 118, 163). От том же спрошенный, и авва Исаак Сирийский сказал: «Тот познает, что получил прощение грехов своих, когда кто чувствует в душе своей совершенную ненависть к этим грехам»*.

О втором признаке свидетельствует авва Никита Ираклийский (а по другим – Серрский). Объясняя стих святителя Григория Богослова на Пасху («Если бы, как Фома, и отстал ты от прочих учеников... убедись знаками ран от гвоздей»), он пишет: «Если не этим, то равнодушным воспоминанием о прежних грехах удостоверься в том, что воскресло в тебе слово добродетели. Равнодушное же воспоминание есть представление бывалого, без удовольствия или сожаления, без всякого следа язв, просто по бесстрастию, в чем не испытывавший и сомневается, как Фома. Итак, воспоминания о грехах суть знаки, а самые грехи суть гвозди, пронзившие согрешивших. Отсюда, если можешь вспомнить о них равнодушно, то веруй, что воскресло в тебе слово добродетели».

* Он же сказал замечательное слово: «Мы делаемся грешниками не тогда, когда грешим, а когда не возненавидим греха и не каемся в нем».

Третий признак находим в «Лавсаике», в жизнеописании аввы Макария Младшего. Раз, спрошенный, не скорбит ли он, вспоминая невольное убийство, еще в юности им сделанное, — он отвечал, что не скорбит, а еще и радуется, не об убийстве, конечно, а о том, как оно послужило поводом к покаянию и усвоению добродетелей, и что славит и благодарит благодать Божию, которая часто дурные обстоятельства направляет к добрым последствиям.

Так и убийство, соделанное Моисеем в Египте, послужило к добру, потому что, из-за него удалившись в пустыню, он удостоился лицезрения Божия. Посему и апостол сказал: *Любящим Бога вся поспешествуют во благо* (Рим. 8, 28), что блаженный Августин изъясняет так: «Любящим Бога часто и злые дела, и грехи содействуют к добродетели».

Четвертому признаку нас учит святитель Феодор Едесский, говоря: «Пока действуем страстно, память о грехах мучит нашу душу; когда же страстные воспоминания изгладятся из сердца совершенно и уже не тревожат его, то это признак прощения прежних прегрешений». Почти то же самое говорит и преподобный Максим Исповедник: «Лжепророки суть и помыслы, умаля-

ющие грех и заверяющие в прощении его. Эти помыслы суть хищные волки в одежде овечьей, познаваемые по плодам их. Доколе наш ум подавляется грехами, доколе мы не получаем прощения, ибо не приносим достойных плодов покаяния. Плод же покаяния есть бесстрастие души, а бесстрастие есть уничтожение греха. Итак, не имея совершенного бесстрастия, и то обуреваемые страстями, то не обуреваемые, не станем держаться помыслов, обещающих нам прощение».

Видишь, брат, как совершается истинное покаяние, видишь, какими трудами и подвигами испрашивается истинное прощение грехов? * Как же теперь ты говоришь: «Согрешу, а там исповедаюсь и покаюсь», как будто истинное покаяние — дело легкое? Итак, ради любви Божией, будь вперед внимателен и, когда диавол станет побуждать тебя к какому-нибудь греху, ты не содействуй своему падению, говоря: «Исповедаюсь, покаюсь», а стань крепко и говори: «Кто знает, хорошо ли я исповедаюсь? Кто знает, этот

* Ежели желаешь, брат, получить для души твоей образ и пример истинного покаяния, то прочитай в книге преподобного Иоанна Лествичника место о кающихся, живших в монастыре, названном по своему назначению тюрьмою. Там ты увидишь, во-первых, жизнь и состояние истинно кающихся, во-вторых, занятия и дела их, а в-третьих, их вопли и рыдания.

мною замышляемый грех не есть ли последний, и его Бог не попустит и не простит мне, а пресечет нить терпения Своего и попустит мне впасть в погибель? Кто знает, подаст ли мне Бог благодать истинного покаяния, чего не даровал другим подобным мне грешникам, теперь мучающимся в адском огне? Кто знает, пожалуй, и я, привыкая не бояться Бога, мало-помалу приду в самозабвение и в крайнее отчаяние?»

Сердце разумиваго уразумет притчу, — говорит Сирах (Сир. 3, 29). И ты, возлюбленный, если мудр и благоразумен, не подвергай дела спасения твоего явной опасности, т. е. не надейся на бесплодную исповедь и на мнимое покаяние, и, если можешь на крепкой веревке укрепить свою надежду спасения, не вешай ее на гнилой нити, которая, когда перервется, низвергнет тебя в пучину беспредельного и вечного огня. Крепкая веревка значит: когда ты удаляешься от греха, сильною скорбью стараешься искоренять из твоего сердца злые склонности и хочешь заслужить истинное покаяние и прощение грехов делами добродетели и хранением заповедей Господних. Не удаляться от греха значит то же, что глотать лукавство в уверенности излевать оное в известный час. А это допускать свойственно лишь

безумцу и все равно, как если бы кто-либо делал величайшее зло, надеясь на себя и себе усвоив, — что заключается только в руках Божиих, — т. е. предполагая в своей власти и время покаяния, и помощь от Бога для истинного покаяния. Как будто Бог потворствует грешникам, а не грозит им неумытною правдою Своего Страшного Суда!

Не соблазняйся, брат, тем, что отцы говорят: «Падай — вставай», т. е. сколько бы раз ты ни падал, встань и спасешься. Полагать покаяние в том, чтобы падать и вставать, вставать и опять падать — значит очень ошибаться. Отцы говорят это для того, чтоб изгнать из сердец людей страх отчаяния, а не для того, чтоб поощрять их к новым грехам в надежде исповеди и покаяния. Нет! «Твердость, о которой говорят святые отцы в писаниях о покаянии, — объясняет авва Исаак Сирин, — мы не должны принимать за помощь к греховодству... Они говорят о ней только для укрепления в нас надежды на покаяние и для удаления от нас отчаяния». Притом отцы сказали: «Падай и встань», а не «Встань и падай», как превратно ты толкуешь; одно от другого многим разнится. Падать и вставать, а потом опять падать — это уже не покаяние и даже не может на-

зваться покаянием, а именно то, что называет апостол Петр, говоря: *Пес возвращься на свою блевотину, и: свиния, омывшись, в кал тинный* (2 Пет. 2, 22).

Истинный смысл слов: «Падай – встань» заключается в том, что человек должен всеми силами удаляться от греха и беречься, чтобы не пасть. Если же кто-либо падет по человеческой слабости, случайно, а не самопроизвольно, тот должен не отчаиваться, а скорее исповедаться и покаяться, не теряя времени, ибо, по слову преподобного Иоанна Лествичника: «Одним Ангелам свойственно не падать, потому, может быть, что они и не могут падать; людям же свойственно падать и тотчас, как только случится это, восставать».

Посему и ты, брат, если к величайшему твоему несчастию и по слабости падешь, не обманывай себя и не говори себе: «Теперь я уже пал, пусть же и еще паду и еще согрешу, все равно, уже я не чист, а после исповедаюсь и покаюсь во всем, и уже буду удаляться от зла». Нет, брат, ради Господа не слушай такого помысла: он, очевидно, от диавола, ищущего твоей гибели; но тотчас, чуть согрешил, не повторяй греха, не медли и не позволяй себе оставаться и лежать в тине: *Не медли обратитися ко Господу и не*

отлагай день от дне (Сир. 5, 8), но восстань, пойдй к духовнику и исповедуйся ему. Чем свежее рана, тем легче исцеляется, а чем старее, тем труднее ее излечить, по словам преподобного Иоанна Лествичника: «Свежая и теплая рана удобоисцеляема, но застаревшая от времени и от нерадения и запустения неудобоисцеляема». Если же не найдешь возможности тотчас исповедаться пред духовником, то покайся внутренно пред Богом, не дожидаясь, когда придет время исповеди; ищи, не медля, примирения с Богом посредством многих подвигов сокрушения и покаяния по силе твоей. Не допускай себя провести хотя бы одну ночь во сне, не припав предварительно с истинным покаянием к Богу, пока не пойдешь на исповедь к духовнику. Ведь это неслыханная дерзость — оставаться в смертном грехе хотя бы на час, и на такой непрочной нити, как твоя жизнь, висеть над бездною всех зол, каков ад! Между тем ты, несчастный, не каешься во грехе не одну минуту или час, а целые месяцы и для выхода из смертной опасности ждешь Пасхи, или Петрова дня, или Рождества Христова. Ты забавляешься, смеешься и спишь беззаботно, словно ты повредил не душу разумную и бессмертную, а бесчувствен-

ное бревно, не могущее тебе отомстить. Но слушай следующую страшную повесть, найденную нами в истории.

Один юноша уязвил свое сердце любовью и привязанностию к известной блуднице. Жестоко в том обличенный своими родителями, родственниками и духовником, он решился прекратить эту связь и избавиться от греха посредством исповеди во всех своих грехах. И написал он все свои грехи на бумаге, но от того не воскорбел и не сокрушался сердцем, как бы следовало готовящемуся к исповеди. На пути к духовнику случилось ему проходить мимо проклятого дома той блудницы, куда и решился он войти еще раз, а войдя, решился впасть снова в грех и к старым грехам прибавить новый, все в той надежде, что после этого он уже покается во всех своих грехах. Что же вышло? Юноша собирался последовать злomu помыслу, как пришел туда; его соперник, увидев его там, ожесточился и ударил его так сильно, что сразу убил. Люди, пришедшие взять оттуда тело убитого, для погребения, нашли при нем бумагу, где были написаны грехи, в которых он хотел исповедаться и покаяться. О, жалкая смерть! О, обманчивые надежды! О, лукавый помысел этого несчастного юноши!

Теперь если и ты, брат, подобен сему несчастному юноше в дерзости гневить Бога и грешить в надежде прощения, прииди в чувство, прошу тебя, прииди, чтобы не пришлось тебе когда-нибудь уподобиться ему и в наказании, и погибели. Вечные мучения так велики и страшны, что, вспомня о них по этому случаю, нельзя не содрогнуться... *Губителю раны приемлющу, безумный коварнее будет* (Притч. 19, 25). Итак, оставь дерзость и ложную смелость грешить в надежде на исповедь и покаяние; содержи всегда в памяти пример этого несчастного юноши; не дерзай снова на грех, но *со страхом и трепетом* соделывай свое спасение, как заповедует апостол (Флп. 2, 12). Истинное покаяние рождается от страха и есть как бы корабль, несущий тебя к пристани любви Божией; страх же есть корабельщик этого корабля, как говорит авва Исаак Сирий: «Покаяние есть вторая благодать и рождается в сердце от веры и страха». И опять: «Покаяние есть корабль, а страх — кормчий его; любовь же — Божественная пристань».

Посему, возлюбленные мои во Христе братья! к покаянию, к покаянию всех вас призываю настоящим моим словом, всех — и малых и старых, священников и мирян. К покаянию прибег-

нем, братия, мужи и жены, юноши и старцы; в объя-
тия покаяния прибежем все, все без исключения,
ибо никакая добродетель не может без покаяния
примирить нас с Богом. С пророком Давидом
воззовем ко Господу и мы: *Приидите, поклоним-
ся и припадем Ему, и восплачемся пред Гос-
подом сотворшим нас: яко Той есть Бог
наш, и мы людие пажити Его и овцы руки
Его* (Пс. 94, 6–7). Воззовем к Богу с тремя от-
роками: *Согрешихом и беззаконновахом от-
ступивше от Тебе, и прегрелихом во всех, и
заповедий Твоих не послушахом, ниже со-
блюдохом, ниже сотворихом, якоже запове-
дал еси нам* (Дан. 3, 29–30). Пусть каждый из
нас обратится с пути зла, как обратились ниневитя-
не, и все мы прибежем к Богу, как прибегли они:
*Кто вестъ, аще раскается и умолен будет
Бог, и обратится от гнева ярости Своя, и
не погибнем* (Иона. 3, 9). А кто из вас согрешил
после крещения, пускай денно и ночью тот повто-
ряет умиленные слова проповедника покаяния,
златого языком и сердцем святителя Иоанна:
«Если кто, восприяв Небесное Крещение, согре-
шил – на Небо согрешил; ибо согрешающий до
Святого Крещения на землю согрешает: *Земля
бо еси, и в землю отъидеши* (Быт. 3, 19) –

было сказано Адаму. Если кто облекся во Христа Крещением, тот уже не на земле, а на Небеси: *Яков перстный, такови и перстнии: и яков небесный, тацы же и небеснии* (1 Кор. 15, 48). И посему такой грешник да обратится и да скажет: *Отче, согреших на небо и пред Тобою, и уже несмы достоин нарещися сын Твой* (Лк. 15, 18–19). Почему? Говори причину: потому-де, что сердце мое, окропленное Кровию Иисусовой и подобно розе цветущее, я загрязнил удовольствиями. Я прогневал Тебя, огорчил Святого Твоего Духа, светлую одежду веры осквернил грехом; душу мою, освобожденную Крещением и убеленную просвещением веры, помрачил грехами, поработил: *Сотвори мя яко единого от наемник Твоих* (Лк. 15, 19)».

Постараемся, братия, укоренить в душе нашей истинное покаяние по тем указаниям, какие были представлены в настоящем «Слове», станем подвизаться, чтоб всегда иметь и содержать в нашем сердце и сущность истинного покаяния – скорбь о грехах, происходящую от двух причин: одной произвольной, а другой не произвольной. Скорбь произвольная опять бывает двух родов: внутренняя, или душевная, и внешняя, или телесная. Внутренняя причина, рождающая в сердце скорбь и со-

крушающая его, есть во-первых, печаль, соединенная с плачем и самоосуждением за то, что согрешили мы и своими грехами оскорбили и огорчили Бога, что утратили благодать и Царство Его и что соделались достойными вечных, нескончаемых мучений. Как камень жмет виноград и выжимает из него вино, так эта скорбь сокрушает наше сердце, не дает ему биться для страстей и плотских удовольствий, а причиняет ему печаль и исторгает слезы. Так утверждает и святитель Григорий Фессалоникийский: «Самоосуждение, обложивши душу согрешающего мысленною тяжестью, сокрушает ее и выдавливает из оной спасительное вино, веселящее сердце человека, то есть человека внутреннего. Вино же это есть умиление, которое печалию сокрушает страсти и наполняет сердце блаженнейшею радостью, освобождая его по тому самому от сильнейшей тяжести». Посему-то: *Блаженни плачущии: яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Эта внутренняя скорбь души рождает истинное покаяние, как сказал апостол: *Печаль бо яже по Бозе покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10).

Вторая внутренняя причина скорби заключается в памятовании о грехах, смиренномудрии и непрестанной молитве, воссылаемой к Богу от всего серд-

ца и выражаемой в словах: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» – и: «Иисусе, Сладчайший, премного Тебя оскорбил» – или же: «Согреших, Господи, согреших Отче! Согреших на небо и пред Тобою, и несмь достоин нарещися сын Твой» – и в других подобных тому выражениях, которые сокрушают сердце, рождают в нем скорбь и исторгают слезы. Посему авва Исаак Сирин и сказал: «Ум, непрестанно молящийся, сокрушает сердце. *Сердце же сокрушено и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19)». И в другом месте он же сказал: «Памятование о Боге есть скорбь сердца, происходящая ради благочестия».

Внешние же, или телесные, причины, сокрушающие сердце, суть телесное убожество и воздержание от пищи, пития, от сна и всякого покоя и неги телесной. Поэтому преподобный Марк подвижник говорит: «Без сокрушения сердца невозможно избавиться совершенно от зла, сокрушает же сердце троякое воздержание – от сна, пищи и телесного покоя». Так же и преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Жажда и бдение сокрушают сердце, а после того, как сердце сокрушилось, выступают слезы». Как от вышесказанного рождается сокрушение сердца и умиление, так, напро-

тив того, от богатства, избыточных яств, многого сна и телесного покоя происходят ожесточение сердца, воспламенение страстей, нега телесная, как подтверждают те же святые отцы; ибо преподобный Марк подвижник говорит: «Излишество благ земных производит негу, нега же порождает лукавые помыслы». Преподобный Иоанн Лествичник пишет: «Изнеженность сердца воспламеняет воображение, множество же яств иссушает душу». Эти изречения божественных отцов подтверждает и святитель Григорий Фессалоникийский, говоря: «Как изнеженность, сладострастие и ожесточение сердца происходят от неги тела и тому подобного, так от воздержной и умеренной жизни происходит сокрушение сердца и умиление, улаждающее всякую горечь и доставляющее сладостный покой и тишину».

А невольные причины, сокрушающие сердце и порождающие скорбь, внутренние или душевные, суть постыдные и хульные помыслы, которые диавол влагает в наш ум как стрелы раскаленные, а также и страсти душевные и телесные, которые терзают нас беспрестанно, ибо прежде всего мы должны бороться с ними со всею силою и не позволять нашей душе воспринимать их, должны прибегать к Иисусу Христу с молитвою, Его помо-

щину прогонять их и вообще ни в каком случае не позволять им гнездиться в нашем сердце. А какой боли, сокрушения и скорби требует эта непрестанная, невидимая и жестокая борьба, об этом знают поистине только те, которые испытали это на самом деле. Посему об этой борьбе писал святитель Григорий Богослов: «Это борьба жестокая, это ополчение великое, это великая победа».

Внешние же, или телесные, причины, сокрушающие сердце, суть обиды, бесчестие, несправедливости и другие скорби и различные сокрушения, от людей и от природы, как было сказано выше. Все это должен принимать с удовольствием тот, кто хочет истинно покаяться и получить исцеление и прощение в грехах своих. Так утверждают святые отцы, из коих преподобный Марк подвижник говорит: «Дело покаяния состоит в трех следующих добродетелях: в том, чтобы уничтожать греховные помышления, непрестанно молиться и приходящие скорби переносить». И опять: «Всякая невольная скорбь да будет мне учителем памятования, да не оскудеет во мне повод к покаянию». И в другом месте: «Помни последняя всякой невольной скорби, и в этом ты найдешь оставление грехов». А преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Признак

тщательного покаяния — почитать себя достойным всяких скорбей видимых и невидимых, и даже еще больших». Подобное сему находим и у святителя Григория Фессалоникийского: «Кто говорит, что повинен самым сильным лекарствам покаяния, тот непрестанно имеет в себе всякую скорбь и принимает всякое искушение, как должное ему и необходимое, и радуется, когда впадает в искушение, как будто получает очищение душевное. Это искушение делается для него источником умиленной молитвы к Богу, и он не только не питает к искушениям никакого злопамятства, а напротив, благодарит за них как за благодеяния. Посему кающийся таким образом получает не только прощение грехов, по обетованию, но и Царствие Небесное и Божие благословение».

Кто же хочет покаяться и исцелить раны грехов своих, а не переносит благодушно скорбей, но смущается, ропщет и ищет отмщения, тот пусть знает, что он не приносит истинного покаяния и не исцеляет своих грехов, как свидетельствует преподобный Марк подвижник, говоря: «Без вышеупомянутых трех добродетелей дело покаяния не может окончиться»; и в другом месте: «Когда грешная душа не принимает достающиеся на ее долю

скорби, тогда о ней Ангелы говорят: *Врачевахом Вавилона, и не изцеле* (Иер. 51, 9).

Все мы взываем к Богу: «Господи, помилуй» и «Владыко, прости беззакония наша», а когда Бог посылает нам милость Свою и прощение грехов, мы Его гоним от себя – почему? Да потому что, когда случается с нами какое-нибудь искушение или скорбь, чрез которые Бог благоволит послать нам Свою милость и прощение грехов, радостно не переносим мы той скорби и искушения, но смущаемся и скорбим. А должны мы вместе с произвольными скорбями и подвигами нашего покаяния переносить и непроизвольные, приходящие к нам извне скорби и искушения, потому что скорби произвольные как более легкие и удобные благословляются ради невольных и более трудных, как говорит святитель Григорий Фессалоникийский: «Посредством перенесения произвольных и невольных скорбей всяк совершенствуется... Напротив того, без скорбей, приходящих к нам против нашего желания, не благословляются и скорби произвольные».

Итак, братия, постараемся приобрести скорбь в сердце нашем; без нее не можем мы получить истинного покаяния, как очевидно из следующего вывода.

Памятка кающемуся грешнику

Всякий грех получает начало в душе нашей от доставляемого им удовольствия и, следовательно, должен быть умерщвлен скорбью сердца. Так противное врачуется противным, по мнению врачей и моралистов, физиологов и богословов. Об этом говорит святитель Григорий Нисский: «Как грех вошел посредством удовольствия, то непременно должен быть изгнан противоядием, следовательно, изгоняющие грех исповедию пред Господом, вымышляя самые трудные испытания для уязвления больных мест, исцеляют болезнь, образовавшуюся вследствие удовольствий греховных, так что уже не остается и следа в сердце от такого греха. Эта-то бесценная и сильная скорбь уничтожает даже и самые знаки, образовавшиеся в душе от греха, сделанного по расположению к нему».

Будем, по возможности, избегать частых и несвоевременных бесед и сообществ, потому что все это удаляет от нас мысль о покаянии. Возлюбим тишину и скромность как средства, способствующие к приобретению покаяния, о чем говорит преподобный Исаак Сирин: «Если любишь покаяние, возлюби и тишину, ибо без тишины пока-

яния не бывает; а если кто-нибудь этому будет противоречить, не спорь с ним». Это доказывает и заповедь, данная Богом Каину, когда сей согрешил: *Не согрешил ли еси? умолкни* (Быт. 4, 7), т. е. сознай сам в себе, что ты сделал, и, сознавши, покайся в своих грехах. Так объясняются молчание и тишина и в книге аввы Исаака Сирина, где, между прочим, прибавлено: «Кто не мог успокоиться, тот не мог и прийти в самопознание и не мог уразуметь, что есть покаяние». Если же мы не можем успокоиться, то, по крайней мере, изберем один или два часа молчания обязательного, особенно около вечерней поры, и тогда, удалившись в особое и отдаленное место, успокоим свои чувства и приведем в порядок мысли, припомним все свои грехи, как прежде сделанные делом, словом и помышлением, так и те, которые мы сделали в тот день, будем каяться в них горько, со скорбию и сокрушением сердца нашего, и будем просить Бога, да простит нам грехи наши. Ибо это заповедует нам делать Дух Святой устами пророка Давида: *Яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитесь* (Пс. 4, 5).

Так и Сам Христос таинственно в духе сказал рабу Своему, преподобному Симеону Новому Богослову: «Смотри, не сделай чего-нибудь тако-

го, что может лишить тебя тех благ, которые ты удостоился получить. Если же когда и согрешишь, то памятованием о грехе позаботься не уклониться от покаяния, ибо покаяние вместе с Моим человеколюбием уничтожает и прежние, и настоящие грехи».

Не потерпим же, братия, чтобы прошел даже один день, в который бы мы не сделали спасительного поучения и этого духовного упражнения, оставив его на другое время. Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Не льстись безумно дела свои кончить со временем, ибо дня недостаточно к тому, чтобы безупустительно исполнить все должное Владыке». Святитель Василий Великий также говорит: «Не пренебрегай грехом, хотя бы он был меньше самого малого насекомого, но тем охотнее поспеши исправить свое заблуждение покаянием... Покаяние есть спасение, забвение же покаяния — смерть».

Что многословить? За то, что мы не богословствовали, не делали чудес или не вдавались в отвлеченные умствования, Бог не призовет нас на суд и не осудит нас в день смерти и суда. Нет! Но осудит нас за то, что не покаялись и не сокрушались о своих грехах. Так заключает свои беседы много раз упоминаемый нами авва Иоанн.

Посему мы, грешные, должны ежедневно, чтобы не сказать ежечасно, испытывать самих себя в том, находимся ли мы в истинном покаянии или нет; и если даже, с помощью Божиею, случится нам сделать в какой-либо день доброе дело, то и тогда должно помнить о покаянии, и никогда и ни в какое время не должно забывать о нем. Всякий день, в который нам не придется покаяться и сокрушаться о грехах наших, мы должны считать потерянным, хотя бы и случилось нам что-либо доброе сделать. Посему и сказал преподобный Иоанн Лествичник: «Истинно кающийся каждый день, в который не скорбит, считает потерянным, хотя бы в тот день сделал другое что-нибудь доброе».

Закрываю настоящую беседу словами преподобного Симеона Нового Богослова, что всем нам, христианам, надлежит исцелиться от страстей и от ран греховных, а потом соблюсти заповедь Господню и сотворить всякую добродетель. Если мы не умеем исполнять других заповедей Господних и других добродетелей, то, по крайней мере, да сделаемся исцелившимися и целыми от болезней и ран греховных посредством покаяния, ибо если умрем здоровыми и исцелившимися от страстей и греха чрез покаяние, то отойдем в Царствие Небес-

ное, если же умрем неисцелившимися и без покаяния, то будем низвержены во ад. Будем помнить, что Царствие Небесное не предназначено для непокаявшихся грешников, но есть жилище, обиталище и чертог для очистившихся покаянием, т. е. для достойных, благочестивых и праведных. Итак, грешники, содрузи мои! Будем взывать всегда к Богу общими молитвословиями Церкви: «Святый, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради», «...и нас в покаянии и исповедании прими, яко Благ и Человеколюбец еси. Аминь».

НЕ МЕДЛИ С ПОКАЯНИЕМ

Афонські листки, 1911 г. "Покаяніе и исповідь"

Таинство покаяния есть дар Божий, дар милости Его, в наше спасение поданный. Заметьте, что дар этот для нас приобретен не одним только Его хотением, но ходатайством Единородного Сына Божия, чрез то служение, которое Он, воплотившийся нас ради, совершил, пребывая послушен Отцу Своему Небесному до смерти крестной. Так, дар этот приготовить для нас, можно сказать, чрезвычайно дорого стоило Самому Божеству. Чувствуем

ли мы как подобает силу и значение этого дарования? Должны чувствовать и возгревать в себе это чувство, а главное — пользоваться этим даром неопустительно, внимательно. В этом даре подается нам чрезвычайная помощь к тому, чтобы ходить нам непорочно пред Богом. Жизнь чистая, богоугодная и спасительная даруется нам через покаяние. Итак, никому не должно малодушествовать и говорить необдуманно речи, подобные сим: «Где мне быть святым или непорочным»? Тебе подано дарование в покаянии — быть святым и непорочным: не оставайся, не косней в грехе.

Господь знал, что нельзя нам пробывать безгрешными и тогда, когда усвоим себе веру в Него; для того предупредил нас Своею милостию и на этот случай, когда мы согрешим, — или лучше сказать, — когда на всякое время много согрешаем, среди разных искушений, и внутренних, и внешних, при нашей крайней немощи и бессилии к духовным подвигам и трудам. Потому, когда согресишь, тебе не то непростительно, что ты согрешил, а непростительно то, если, согрешив, не приносишь покаяния, не хочешь очистить свою душу, не желаешь совесть иметь непорочною, не хочешь исповедать, что ты согрешил пред Богом, не хо-

чешь даром воспользоваться прощением, приготовленным для тебя, по великой милости к тебе Господа Бога твоего. Хочешь ли же спастись? Облобызай покаяние, облобызай десницу, простираемую к тебе для разрешения тебя от уз греховных. Пребудь в покаянии, ради послушания воле Божией; пребудь в покаянии, пока живешь в этом мире, где на каждом шагу претыкаешься и падаешь. Памятуй, что за гробом нет уже покаяния.

Ей, Господи, Царю, даруй мне зрети моя прегрешения! Все мы грешны, и говорим, что грешные мы люди. Но знаем мы об этом как будто со стороны, и говорим будто не о себе. Знаем, что грешны; но в чем, как глубоко, против каких заповедей Бога нашего, какую волю Его в чем преступали, — знаем ли? Воля Божия — в законе Его святом. Знаем ли мы закон Господень? Так вот, говоря: «грешны мы, как не грешны», — мы как будто не о себе говорим, потому что сами-то о себе не знаем, в чем или в какой заповеди волю Божию преступили, каким грехом оскорбили Его, Создателя своего. Вот какое горе наше! И грешны мы, и не знаем грехов своих!

Грех — великий недуг; недугуем мы и не знаем, чем! Грех — великая язва, проказа и глубоко

проникает в нас: в язве мы и в проказе, — и не чувствуем силы ее в себе самих! Грех связывает нас, мы в сетях его, в узах; — и не воздыхаем о разрешении, не умоляем умилосердиться над нами! Грех оскверняет храм души нашей, омрачает мысль, расстраивает наше чувство сердечное, извращает желания, проедает душу нашу то с той, то с другой стороны, — и мы не знаем, что такое бедствие постигло душу нашу!

А если не узнаем, в чем грешны мы, чем больна душа наша, то и не поищем себе исцеления, не попечемся об уврачевании и не сумеем сказать, что болит у нас, в каких мы недугах, давно ли. Если не узнаем мы согрешений своих, то не восчувствуем, как нужно нам покаяние; не поймем, как нужна для нас благодать Спасителя нашего, — как необходимо нам прибегнуть к Разрешителю нашему от уз греховных.

Бывает, впрочем, что и грешны мы, и знаем, в чем, но не хотим видеть грехов своих, — не хотим не потому, чтобы отвращались от них, чтобы гнушались ими, а потому что так завязли в них, что расстаться с ними тяжело нам. По привычке грешить не хотим осудить себя, огорчить, повергнуть себя в скорбь и печаль. Не хотим?! Итак, надобно тем болезннее взывать ко Господу: *Господи,*

помилуй! Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче! Господи Царю! Даруй мне зрети моя прегрешения!

Не жаль нам души своей? Нам не жаль, и еще не жаль — кому, знаете ли? Врагу нашему. Так на себя, на свою душу подняли мы руки свои, как злодеи, заодно с врагом своим. В прародителях он убил нас грехом, — вот то же произвел и в них, что и в себе находим мы горького, тяжелого, смрадного, скверного — от мыслей злых до дел преступных. Изгнать из души все доброе — его дело, насадить туда зло — его дело, затянуть в петлю греховную — его дело, и с собою увлечь в пропасть адскую — его дело.

Вот в чьих руках приманка греховной сладости. Возгнушайся этой греховной сладостью! Она огорчает прежде, чем вкусил ты ее. Что значит твое смущение прежде, чем ты согрешил, когда лишь в намерении имеешь, во глубине души носишь грех? Отчего эта боязнь души? Она смущается, трепещет потому, что грех для нее разрушителен, он опустошает ее, он выдает ее врагу твоему в плен, в рабство. А если ты не вразумишься твоим внутренним смущением, пренебрежешь им, как напрасным, и пойдешь на грех, то еще больше тем отнимешь мир у себя: ты сам не в себе, не чувствуешь

себя, тревога твоя увеличилась, страх охватывает тебя: ты боишься человеческого голоса, прячешься, боясь внутренних твоих помыслов.

Сравни же долю сладости греха с долею тяжести его. И есть ли еще какая сладость в приманке греховной? Видишь ли, чувствуешь ли, что ты обманут лишь видимой приятностью, через нее прельстился, и не себе принес удовольствие: иначе бы не горевал со стесненным сердцем, — а своему врагу. Врага ты потешил, а себя огорчил, разорвал мир с твоею совестью, — она вопиет против тебя, тревожит, бичует; ты разорил мир с Ангелом твоим Хранителем, — огорчил его, отогнал его; разорил завет свой с Господом, огорчил своего Создателя, ибо волю Его нарушил, предпочел закону Его внушения врага твоего; ибо по навету врага твоего водворилась в тебе греховная мысль, греховное желание и намерение, и при его содействии ты искал случая преткнуться.

Все в печали о тебе: ты сам печалишься, печалится Ангел твой Хранитель, в печали святые Божии; имя одного из них, на тебе положенное, омрачено, унижено, попрано тобою; не радуется о тебе и Отец Небесный. Его попечения о тебе пренебрежены, освящение, преподанное тебе в Духе Святом, поругано, дело Единородного Сына Бо-

жия остановлено в тебе твоим уклонением, разорено. Из свободного ты стал рабом, печать сыновства Божественного ты снял, венец доброты душевной поверг пред врагом своим. Кто не рыдает о сем?! Ты ли один будешь коснеть в грехе своем?! Ободришь духом, восстань на запнувшего тебя, поднимись к покаянию. Сними с себя бремя греха, изнеси его во исповедании пред отцом своим духовным. Освободи себя от змия.

Грех отлучает нас от Бога. Это горе — горе безмерно великое и само по себе, но вместе с тем, грех же предает нас врагу Божию и нашему. Грех наш — то же, что привязь у врага. Держа нас на привязи греха, враг нашего спасения не хочет, чтобы мы обратились ко Господу и приблизились к Нему покаянным сердцем. Знает лукавый, что через покаяние и исповедь мы расторгаем ту привязь, за которую он держит нас, эта греховная привязь тотчас же разрывается, как скоро мы принимаем от уст священника разрешение грехов, или прощение.

Ты молод, и потому теперь особенно способен исполнять, сколько можно точнее, эту высокую твою обязанность. Почему же не спешить к покаянию? Ты ставишь свою молодость предлогом к извинению в опущении? — Но внуши себе, что вся наша жизнь определена нам на покаяние,

вся, а не какая-нибудь часть ее: как же ты одной части жизни своей даешь такое, а другой — другое назначение? Кто тебе дал право на это? — Настоящим ты владеешь, и только настоящим; будущее тебе не принадлежит. На что же надеясь ты будущее определяешь на покаяние, а настоящее расточаешь в свою угодку, не думая о своей душе, о ее спасении? Если бы ты в молодости не грешил, то тебе, молодому, можно было бы ставить молодость в свое оправдание в уклонении от покаяния и исповеди. А теперь, когда твой возраст так склонен к претыканиям и соблазнам, что на самом деле часто спотыкаешься и падаешь — именно тебе, в твоём возрасте, особенно и благопотребно покаяние, и оно гораздо удобнее, чем в другом. Силы твои пока не расстроены, дурные привычки не связали твоей доброй воли, сердечные расположения на добро не угашены. Возьми же это иго — иго покаянного труда и искренней исповеди пред отцем своим духовным во всем, чем ты соблазняешься или на чем спотыкаешься, — и Спаситель грешников, Господь наш Иисус Христос — твой Спаситель.

